

М. Б. ЩУКИН

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН

(по поводу статей Э. А. Рикмана, И. С. Винокура,
В. В. Седова и И. Вернера)

Счастлирое стечение обстоятельств или замысел редакции «Советской археологии» свели вместе в четвертом номере журнала за 1972 г. четыре статьи, тесно смыкающихся друг с другом в кругу затронутых в них проблем и вопросов¹. И это оказалось безусловно очень интересным и плодотворным начинанием журнала, поскольку сопоставление приводимых в этих работах объективных данных, а также позиций и отдельных положений авторов, отражающих современный уровень исследований, вызывает определенную реакцию читателя, будит его мысль и, возможно, будет еще долго служить стимулом к новым исследованиям в области славяно-черняховской проблематики. В частности, побудили они и автора настоящих строк высказать некоторые соображения.

Поскольку положение черняховской культуры отнюдь не безразлично для более кардинального вопроса происхождения славян, сначала обратимся к рассмотрению этой культуры в освещении ее указанными авторами.

Статья Э. А. Рикмана затрагивает по сути дела несколько более широкий круг вопросов, чем он определен в заглавии. Если в заглавии речь идет о датировках импортных вещей, то во втором разделе статьи — уже о датировках памятников черняховской культуры. Рассмотрев хронологию амфор, стеклянных сосудов, фибул и ряда других категорий вещей, автор приходит к заключению, что есть некоторые данные, позволяющие говорить о II в. н. э. как начальной дате этой культуры.

Думаю, что для достаточно строгого доказательства существования культуры, скажем, во II в. мы должны иметь закрытые комплексы с вещами II в. н. э., причем для абсолютно корректного доказательства эти вещи должны выступать в сочетании друг с другом — фибулы II в. с оружием II в., гребни II в. с импортами II в. и т. д. Если мы и находим вещи, бытовавшие на протяжении, скажем, второй половины II и начала III в., в сочетании с таковыми же III в. или даже предметы, бытовавшие на протяжении всего II в., с вещами, характерными для рубежа II—III вв. и начала III в., то время комплексов, где они сочетаются, определяется периодом их сосуществования. Весь же период бытования тех или иных категорий материала, особенно если это вещи интернационального характера, с широким ареалом, не может быть перенесен на культуру в целом без дополнительной на то аргументации. Важно то, в каких сочетаниях, в каких комплексах они выступают внутри культуры. Этот принцип достаточ-

¹ Э. А. Рикман. Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья; И. Вернер. К происхождению и распространению антов и склавенов; В. В. Седов. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья; И. С. Винокур. Лесостепные племена II—V вв. н. э. и их роль в истории Юго-Восточной Европы. СА, 1972, 4.

но широко известен, и при нарушении его мы получаем то, что в естественных науках называется недостаточной чистотой эксперимента. «Чистый эксперимент» не всегда и не для всякой культуры возможен, но тогда и выводы наши не столь надежны. Стремление же к чистоте и корректности — требование любой науки, даже такой неточной, как археология.

«Некоторые небольшие возможности для признания II в. начальным этапом существования черняховской культуры дает изучение фибул», — пишет Э. А. Рикман². Однако ни одного комплекса с фибулами II в. не приводится. Двучленная лучковая фибула с расширенной ножкой найдена в Будештах на поселении вне комплекса³. А. К. Амброз указывает для таких фибул широкую дату II—III вв.⁴, однако закрытыми комплексами преимущественно подтверждается вторая половина II—III вв., причем комплексов III в. значительно больше.

В Чернореченском могильнике аналогичная фибула найдена с монетой 238—244 гг.⁵, в Пантикапее в гробнице 3 — с монетой 268 г.⁶, в Тиритаке в могиле 19 — с монетой 262 г.⁷ И только один комплекс более ранний — погребение 16 Черпореченского могильника с прорезными эмальевыми брошами и монетой 161—180 гг.⁸ Находки лучковых фибул известны и в других датированных комплексах III в. (Котово⁹, Калиновка¹⁰, Суслы¹¹, Богодар¹²). Наконец, в ближайшем окружении Будешт, в Днестровско-Дунайском междуречье, их тоже находят в комплексах III в.¹³

Что же касается фибул с высоким держателем иглы и фибул с декоративными нарезными кольцами (Хучи и Ханска-Лутэрия)¹⁴, то они представляют не самые ранние варианты двух взаимоперекрещивающихся групп фибул северного происхождения. Генезис их, впрочем, не совсем ясен, но датировки в достаточной мере определены. Они появляются не ранее стадии C₁ (150—260), особенно широко представлены в C₂ (260—315) и в C₃ (315—350) и полностью отсутствуют в стадии B₂ (70—170). Они нехарактерны даже для переходной стадии B₂/C₁ (150—200), хотя отдельные находки для C_{1a} известны¹⁵. Такая хронология их не новость — А. К. Амброз датировал эти группы тоже начиная с III в.¹⁶ Таким образом, на основании этих фибул можно говорить лишь о конце II в. и никак не о более раннем времени. К этим же группам фибул относятся находки из Будешт и Мангонешты — Василика, так называемые «Монструозо». Они могли бы даже представлять более ранние варианты, чем фибулы из Хучи и длинная пружина фибулы из Ханска-Лутэрия, и относиться к периоду C₁, но найдены они тоже вне комплексов¹⁷.

² Э. А. Рикман. Ук. соч., стр. 97.

³ Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, стр. 31, «У жилища 6», стр. 11, рис. 37, 1.

⁴ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, 1966, вып. Д 1—30, стр. 52, 53.

⁵ В. П. Бабенчиков. Чернореченский могильник. АП УССР, 1963, XIII, стр. 97—100.

⁶ ОАК за 1864 г., стр. 90, рис. 153.

⁷ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов). МИА, 1959, 69, стр. 223, рис. 95, 3.

⁸ В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 102, 103.

⁹ И. П. Бергин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. АСБГЭ, 1961, 2.

¹⁰ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 1959, 60, рис. 62, 3.

¹¹ П. С. Рыков. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925, рис. 22.

¹² Н. Н. Гущина. Памятник позднесарматской культуры в Поднепровье (по фондам ГИМ). Тр. ГИМ, 40, 1966, стр. 74—79.

¹³ А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 53.

¹⁴ Э. А. Рикман. Вопрос датировки..., стр. 97, рис. 7, 14, 18.

¹⁵ K. Godłowski. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970, Pl. II, 2—3; V, 7; VII, 4, 5; XI, 1—5; XX, 1, 2, 10; III, 22—23; VI, 29; XI, 31; XV, 6; Fig. 18, 19.

¹⁶ А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 85—90.

¹⁷ Э. А. Рикман. Памятник..., рис. 37, 4; N. Moroşan. O filulă particulară germanică din epoca imperialo-romană găsită în Basarabia. Chişinău, 1935, p. 6; А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 73, 74; Н. J. Eggers. Zur Absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im

Все упомянутые фибулы действительно могут соответствовать раннему этапу развития черняховской культуры, периоду ее формирования, только приходится этот этап не на II в. в целом, а на конец II — первую половину III в., на время, когда начинают бытовать и некоторые другие изделия, характерные для этой культуры.

Значительно более веским аргументом в пользу II в. являются приводимые Э. А. Рикманом данные о находках амфорных обломков «группы Балцаты» на поселениях Днестровско-Прутского междуречья¹⁸. Амфоры эти уже получили в литературе наименование «неапольских», так же как амфоры «группы Олонешты» условно именуют «танаисскими»¹⁹. Этой терминологией и будем пользоваться.

Хронология «неапольских» амфор устанавливается достаточно надежно двумя закрытыми комплексами в Мирмекии²⁰, погребением II в. в Первомайском²¹, а также погребением 216 в Заветном²² и никаких возражений не вызывает. Однако датировка комплекса в Неаполе Скифском²³ и находки в Танаисе²⁴ позволяют продлить эту дату и на начало III в. н. э., т. е. эти амфоры частично синхронны и рассматривавшимся выше фибулам.

Но основной период бытования «неапольских» амфор приходится еще на середину или вторую половину II в., и, казалось бы, существование черняховской культуры в это время можно было бы считать доказанным. Однако трудно удержаться и от ряда недоуменных вопросов. Если черняховская культура уже оформилась к середине II в. н. э., то почему из всего набора датирующих вещей фигурирует только одна категория — амфоры. Почему не находим мы стеклянных сосудов соответствующего времени, ведь стекло широко представлено в черняховской культуре? Почему нет фибул II в., типов, имеющих очень широкое распространение, таких, как глазчатые фибулы «прусского» варианта, фибулы V группы Альмгрена, эмалевые круглые и ромбовидные броши, трубчатые фибулы, сильно профилированные с ребром на дужке и т. д. Интересующее нас время — это, по современной европейской системе хронологии, стадия B₂ (70—170). Почему в составе черняховских комплексов нет ни одной находки, диагностирующей эту стадию²⁵? Почему среди гребней черняховской культуры нет ни одного однослойного, характерного для этой стадии, а представлены лишь более поздние трехслойные? Почему импорты этого времени встречаются в сарматских памятниках и их нет в черняховских²⁶ этой же территории? Почему весь набор датирующих вещей относится уже к следующим этапам развития? Для III—IV вв., а в основном для стадий C₂, C₃ и D, мы действительно имеем пласт сонаходок. Продемонстрировать это было бы нетрудно, да это достаточно видно и из статьи Э. А. Рикмана.

freien Germanien. «Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz», 2. Jhg., 1955, Abb. 3, 46.

¹⁸ Э. А. Рикман. Вопросы датировки..., стр. 88, 89.

¹⁹ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972, стр. 117; М. Б. Шукин. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. СА, 1968, 2.

²⁰ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг. МИА, 1952, 25, стр. 70, рис. 64 (с монетами от Рискупориды II (68—92) до Евпатора (154—170)); В. Ф. Гайдукевич. Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекии. КСИА АН СССР, 1963, 95, рис. 8, стр. 25 (с монетой Савромата I (93—123)).

²¹ Э. А. Рикман, К. Г. Хынку. Погребение II в. н. э. у с. Первомайск. В сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 35—38.

²² Фонды Бахчисарайского историко-археологического музея.

²³ А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, 1951, XXXVII, рис. 556.

²⁴ Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 117.

²⁵ К. Godtowski. Op. cit., Pl. I; V, 1—20; VI, 1—28; X; XVIII, 1—26; T. Liana. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim. WA, t. XXXV, z. 4, 1971, Tabl. V.

²⁶ В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия в Восточной Европе. САИ, Д1—27, М., 1970, № 819, стр. 95; № 840 и 850; стр. 97, № 851; стр. 98; М. Б. Шукин. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. АСбГЭ, 14, 1972, стр. 46, 47.

Получается, что почти 100 лет черняховцы жили без единой фибулы, без единого гребня, без единого стеклянного и бронзового сосуда, без украшений и пряжек. На всех крупнейших могильниках черняховской культуры они еще не совершали погребений. Так можно ли говорить о том, что во II в. их культура уже сформировалась? Можно ли перенести весь комплекс черняховской культуры во II в. на основании только одной категории находок? Смущает и еще один момент. В Молдавии, по данным Э. А. Рикмана, совсем нет самых распространенных в черняховской культуре других территорий амфор «инкерманского» типа, весьма близких по форме и некоторым деталям оформления амфорам «неапольским»²⁷.

Если все фрагменты «неапольских» амфор определены верно (по отдельным фрагментам визуально различать типы светлоглиняных узкогорлых амфор зачастую бывает почти невозможно) и если есть уверенность в однослойности всех этих поселений, то в руках Э. А. Рикмана интересное открытие, быть может, та самая ниточка, потянув за которую, удастся в какой-то мере распутать сложный клубок взаимодействий различных групп населения Пруто-Днестровского междуречья и всей Юго-Восточной Европы накануне формирования такого сложного гетерогенного образования, как черняховская культура. Ведь и сам период формирования черняховской культуры, начавшийся, по моим наблюдениям, где-то в 70—80 гг. II в. и закончившийся в 60—70 гг. III в.²⁸, и предшествующее время очень бедно представлены памятниками. Вычленение еще одной группы древностей, особенно если удалось бы найти могильники, соответствующие этим поселениям, было бы существенным вкладом в изучаемую проблему. Простое же включение их в черняховскую культуру представляется слишком легким решением вопроса, лишает возможности проследить ход формирования этой культуры и в конечном итоге может привести к искажению наших представлений о реальном ходе исторических событий, что, на мой взгляд, и произошло в статье И. С. Винокура. Этот автор не считает необходимым доказывать чем-либо существование черняховской культуры во II в. Он просто ссылается на мнение В. В. Хвойко, полагая, что его аргументация вполне достаточна, хотя специального обоснования хронологии мы не найдем в работах первооткрывателя черняховской культуры. Сегодня точность датировок 70-летней давности в рамках целого столетия нас не может уже удовлетворить. Археологи научились оперировать периодами по 20—30 лет. И поэтому, когда говорится «II в. или V в.», то возникает вопрос: о чем идет речь — о II в. или V в. в целом, о его середине, конце или начале? Для реконструкции исторической картины это отнюдь не одно и то же. Возникает вопрос этот и при чтении статьи И. С. Винокура. Если он имеет в виду конец II и начало V в. (т. е. в конечном итоге не совсем точно можно записать как II—V вв.), то с этим вполне можно согласиться, понимая, однако, что в таком случае сюда включаются и период формирования культуры, и период ее распада.

Насколько важно в данном случае точно установить датировки, видно из следующего: в середине II в. н. э., на рубеже стадий B₂ и C₁, намечается тенденция движения носителей культуры вельбарско-цецельской²⁹

²⁷ М. Б. Шуклин. Об амфорах черняховской культуры. «Сборник докладов на IX и X всесоюзных археологических студенческих конференциях». М., 1968, стр. 76—79; *его же*. Вопросы хронологии...

²⁸ М. Б. Шуклин. «Европейская Сарматия» и черняховская культура (хронологические соотношения). Автореф. канд. дис. Л., 1971.

²⁹ Термин «культура вельбарско-цецельская» предложен совсем недавно Р. Волангевичем (*R. Wolągiewicz. Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulturze wielbarskiej. «Studia Archaeologica Pomeranica», 1974, S. 129—152*). В его понимании это позднеримский вариант культуры вельбарской соответствует культуре восточнопоморско-мазовецкой К. Годловского (*K. Godłowski. Op. cit., p. 34—41*). Раннеримский вариант вельбарской культуры, культура вельбарско-любовидцкая, соответствует тому, что раньше называлось «гото-гепидской» культурой и рассматривалось как поздний вариант оксывской, иногда и с переносом последнего наименования. Думается, терми-

в юго-восточном направлении. К этому времени относятся и ранние комплексы могильника этой культуры Брест — Тришин³⁰.

В конце II в. происходит движение и пшеворских племен в южном и юго-восточном направлении³¹. К середине III в., по письменным данным, готы появляются на побережье Черного моря и в Подунавье. Действуют здесь же и другие германские племена — герулы, тайфалы, затем гепиды. Если движение поморских и мазовецких племен соответствует движению готов (при этом вовсе не обязательно, что именно готам принадлежат погребения могильника Брест — Тришин; вельбарская культура довольно сложное, многокомпонентное образование, а в движение готов были вовлечены и другие, в том числе негерманские группы), то на Волыни и в Подолии они должны были столкнуться с каким-то местным населением. По мнению И. С. Винокура, там уже жили носители сформировавшейся черняховской культуры. Однако самый ранний черняховский памятник, называемый им Ружичанским могильником, начинает функционировать по его мнению, тоже в конце II в.³², т. е. одновременно с этим движением, а не раньше. Для того чтобы доказать, что движение носителей вельбарско-цецельской культуры не сыграло никакой роли в формировании черняховской культуры, нужно продемонстрировать пласт черняховских памятников II в. — его середины и первой половины, т. е. памятников стадии В₂, до появления здесь элементов, общих с культурами вельбарской и пшеворской. Ссылки на датировку В. В. Хвойко здесь мало. В работе И. С. Винокура мы не находим конкретного материала, подтверждающего его положение.

Сказанное отнюдь не означает, что черняховская культура непосредственно вытекает из вельбарской культуры. Процесс значительно более сложен. Здесь происходит взаимодействие самых разных элементов — вельбарских, пшеворских, сарматских, позднезарубинецких, — из сплава которых образуется совсем новое явление — черняховская культура³³. Что касается участия в этом процессе носителей зарубинецкой культуры, то речь в данном случае может идти лишь о таких ее поздних проявлениях, которые представлены на могильниках Рахны³⁴, Гриневичи-Вельки³⁵, на поселении Лютеж³⁶, поскольку от классических зарубинецких древностей Среднего Поднепровья и Полесья черняховскую культуру отделяют по крайней мере 150 лет³⁷. В силу этого проводимое И. С. Винокуром сопоставление черняховских жилищ с зарубинецкими недостаточно корректно. Больше оснований было бы для сопоставления их с жилищами пшеворской культуры. Но и эта культура не может рассматриваться в качестве

пология Р. Волавевича наиболее удачна, поскольку он избегает и методической ошибки этнического этикетирования археологической культуры, и ненужных ассоциаций с культурами более раннего времени — оксывской и восточнопоморской. До работы К. Годловского мазовецкие памятники вельбарско-цецельской культуры часто рассматривали как пшеворские, хотя эти культуры существенно различаются отсутствием или наличием оружия, обрядом погребения, набором керамики и т. д.

³⁰ J. V. Kuharenko. Le problème de la civilisation «gotho-gépidе» en Polésie et en Volhynie. «Acta baltico-slavica», 1967, 5, p. 19—40.

³¹ M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wslrodniej. Lwów, 1932; K. Godłowski. Die Pzeworsk-Kultur der mittleren und späten Kaiserzeit. ZfA, 2—68—2, S. 262; K. Godłowski. Niektóre węzłowe problemy badań nad kulturą przeworską, w okresie rzymskim. «Prace Archeologiczne», т. 8, 1967, стр. 82—84; V. Budinsky-Krička. Vychadnoslovenska nizina v praveku. AR, 13, 1961, str. 46.

³² И. С. Винокур. Ук. соч., стр. 139.

³³ М. Б. Щукин. Европейская Сарматия..., стр. 14—16.

³⁴ П. І. Хавлюк. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі. «Археологія», 1974, 4, стр. 89—95.

³⁵ Z. Szmit. Sprawozdanie z poszukiwań archeologicznych w Hryniewiczach Wielkich kolo Bielska Podlaskiego. WA, VII, 1922.

³⁶ В. И. Будзиля и С. П. Пачкова. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. МИА, 160, 1969, стр. 51—75.

³⁷ М. Б. Щукин. Сарматские памятники..., стр. 49—52; Е. В. Максимов. Про датування зарубинецької культури. «Археологія», 1971, 1, стр. 76.

местной подосновы черняховской культуры Днепровско-Днестровского междуречья. Самые восточные памятники ее сосредоточены в верховьях Днестра, и их появление там совпадает по времени с движением вельбарской культуры³⁸. Можно предположить, что в начале III в. эти два потока встретились в районах волыно-подольского пограничья и в сложной обстановке первой половины III в., времени активности дружин северных варваров на Черном море и на Балканах, произошло слияние разнородных элементов в некий единый в культурном отношении сплав — черняховскую культуру.

И. С. Винокур ставит очень интересный и важный вопрос о взаимодействии пришлого германского населения с местной средой, привлекая в качестве параллелей взаимодействие с местным населением тех же готов спустя 300 лет в Италии, Галлии и Испании. Однако для того чтобы рассмотреть этот вопрос на конкретном материале, нужно составить достаточно ясное впечатление о том обществе, о том населении, с которым готы столкнулись в Северном Причерноморье. Время их появления там известно — начало III в. Следовательно, для разрешения поставленного И. С. Винокуром вопроса следует вычленив памятники II в., «до готов», и сопоставить затем с памятниками «после появления готов» — III—IV вв. Такого анализа мы в статье И. С. Винокура не находим. Проблема, таким образом, упирается опять в тот же момент, о котором говорилось выше, — вычленение, поиски памятников II в. и тщательное их изучение. Без этого ни проблема генезиса черняховской культуры, ни готская проблема не могут быть разрешены.

Смущают в статье И. С. Винокура и некоторые другие утверждения, в частности тезис автора об удаленности северных и северо-западных племен от «прогрессивного» влияния античной цивилизации и римских провинций³⁹. Достаточно беглого взгляда на карту Европы, чтобы убедиться, что от римских кастеллов на Среднем Дунае, скажем, от Виндобоны или Аквинкума до Польского Поморья ненамного дальше, чем от побережья Черного моря до Волыни, а от низовий Рейна до Дании много ближе. Обилие же импортов, найденных на этих землях (число их больше, чем в лесостепной части Восточной Европы), показывает, что «прогрессивное воздействие античного мира на северные племена» было достаточно сильным. Нет оснований говорить и о «бедности» или более низком социальном развитии носителей вельбарской или пшеворской культур. Иллюзия эта возникает у И. С. Винокура именно из-за сопоставления разновременных явлений черняховской культуры III—IV вв. и ее северо-западных соседей в I—II вв. Воздействие же античных центров Северного Причерноморья на формирование черняховской культуры тоже не следует преувеличивать. Большинство из них в это время лежало в развалинах или жизнь на них едва теплилась⁴⁰.

Не очень удачен термин «гото-гепиды», поскольку это хотя и родственные племена, но продвигавшиеся к югу в разное время, находившиеся чаще во враждебных отношениях и имеющие весьма различные судьбы. Что же касается перерастания черняховской культуры в раннеславянскую, то заключения И. С. Винокура базируются на материалах многослойных поселений, что всегда оставляет место для скептицизма в отношении таких выводов. Хотя сам по себе факт участия какой-то части черняховского населения в процессе формирования культуры ранних славян не исключается, но в названной работе утверждение, что «основным ядром среди населения II—V вв. н. э. на территории Юго-Восточной Европы, в лесостепном Днепровско-Днестровском междуречье, были местные восточно-

³⁸ М. Śmiszko. Op. cit.; М. Б. Шукун. Европейская Сарматия...

³⁹ И. С. Винокур. Ук. соч., стр. 131.

⁴⁰ V. F. Gajdukewič. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971, S. 459, 496.

славянские племена»⁴¹, остается, к сожалению, лишь делом горячей убежденности его автора.

Позиция В. В. Седова в этом отношении выглядит более реалистической. Им сделана попытка найти в составе черняховской культуры конкретную группу памятников, которую можно было бы связать со славянами. Попытка, давно назревшая, заслуживающая всяческого уважения, поскольку венедам, с которыми воевал Германарих, и антам, с которыми воевал Винитарий, в конце IV в. должны в конечном итоге найтись археологические соответствия. Возможно, их следует искать и в составе самой черняховской культуры. До сих пор попытки членения черняховской культуры не были особенно успешны, и над выделением особого варианта в границах, очерченных В. В. Седовым, следует серьезно подумать. Не очень удачным представляется только его название. Это скорее подольско-днепровский вариант, чем среднеднепровский. Да и включает он в себя такие разные памятники, как Косаново и Компанийцы, Черняхов и Журовка, Ружичанка и Привольное. Большие сомнения вызывает также тезис о преобладании здесь пшеворских элементов и о формировании его на базе пшеворской культуры. Дело в том, что В. В. Седов опирался на работы Г. Ф. Никитиной⁴², Н. М. Кравченко⁴³ и В. В. Кропоткина⁴⁴, выделивших пшеворские элементы в составе черняховской культуры. Но с тех пор произошли изменения. Польские исследователи рассматривают теперь пшеворскую культуру позднеримского времени в более узких территориальных рамках, чем раньше. Так, памятники Восточной Мазовии, воспринимавшиеся как пшеворские, ныне включены в состав недавно выделенной культуры восточнопоморско-мазовецкой или вельбарско-цецельской⁴⁵. В результате оказывается, что целый ряд элементов, воспринимавшихся как пшеворские, в действительности характеризует памятники поморско-мазовецкие или они являются общими для обеих культур, поскольку в Мазовии последняя впитала в себя пшеворский субстрат и оказала к тому же влияние на пшеворскую культуру в целом.

Так, миски с маленькими Х-видными ручками, превращающимися иногда в псевдоручки-налепы, — элемент не пшеворский, а вельбарско-цецельский. Именно для этой культуры характерен и обряд вторичного обжига сосудов, помещаемых в погребение. Почти все погребения могильника Брест — Тришин совершены по этому обряду. Носителями вельбарско-цецельской культуры, а не пшеворцами, как полагает В. В. Кропоткин, были привнесены в черняховскую культуру и грушевидные янтарные подвески. К. Годловский специально отмечает, что эти подвески долго не проникают в пшеворский регион, хотя встречаются к востоку и даже к югу от него⁴⁶. Не совсем верно рассматривать и обряд погребения в обширных ямах с рассыпанными по всей площади кальцинированными косточками как сугубо пшеворский. Для стадий, предшествовавших формированию черняховской культуры — и для В₂ и для С₁, — пшеворцам был больше свойствен обряд погребения в урне, постепенное вытеснение которого безурновыми погребениями начинается со стадии С₂⁴⁷. Зато подобные обшир-

⁴¹ И. С. Винокур. Ук. соч., стр. 143.

⁴² Г. Ф. Никитина. Население лесостепной полосы Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1965.

⁴³ Н. М. Кравченко. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 44—51.

⁴⁴ В. В. Кропоткин. Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (К вопросу о происхождении черняховской культуры). «Slavia antiqua», XVIII, 1971, стр. 197—205.

⁴⁵ K. Godłowski. The Chronology...; K. Godłowski. Die Przeworsk-Kultur...; E. Okulicz. Studia nad przemianami kulturowymi... «Archeologia Polski», t. XV, z. 2, 1970, str. 419—492; R. Wołgiewicz. Op. cit.

⁴⁶ K. Godłowski. Die Przeworsk-Kultur..., S. 265, 266.

⁴⁷ Ibid., S. 267.

ные ямы мы находим в позднезарубинецком могильнике Рахны⁴⁸. Что же касается такого обряда, при котором границы отдельных погребений проследить трудно и могильник представляет собой как бы сплошной слой сожжений (близкое явление мы наблюдаем в Косанове и Компанийцах), то в Польше он появляется лишь на самой заключительной стадии развития пшевора, в добродзеньской группе⁴⁹. По времени это несколько позже упомянутых черняховских могильников.

Если мы внесем соответствующие коррективы в карты В. В. Седова, то нетрудно убедиться, что больше оснований говорить о происхождении подольско-днепровской группы от культуры вельбарско-цепельской, чем от пшеворской; во всяком случае, элементов ее здесь значительно больше, и эта мысль не столь уж неприемлема, как кажется В. В. Седову (рис. 1). Если же картографировать явления, действительно общие у черняховцев с пшеворцами, в частности погребения с оружием, а из всех культур стадий В₂ и С₁ такой обряд был свойствен почти исключительно пшеворцам. то большинство из них окажется вне зоны, очерченной В. В. Седовым (рис. 2).

В. В. Седов утверждает, что для подольско-днепровской группы характерны жилища-полуземлянки⁵⁰. Это тоже не совсем верно. Здесь преобладают именно большие наземные жилища, северное происхождение которых было достаточно убедительно показано М. А. Тихановой⁵¹ (Ягнятин, Жуковцы, Ерковцы, Дедовщина, Турия, Ново-Липовское, Николаевка, Кут, Волошское, Лески, Радупковка, Максимовка и др.). Их ровно в два раза больше, чем полуземлянок. И если уж говорить о сходстве материалов пшеворской и черняховской культур, то следует прежде всего обратить внимание на верхнеднепровскую группу памятников, исследуемых В. Д. Бараном⁵². В. В. Седов почему-то совсем не рассматривает эту группу.

И наконец, в цепи доказательств пшевор — подольско-днепровская группа — пеньковка — славяне X—XII вв. одним из слабых является первое звено. Славянская принадлежность пшевора принимается как аксиома, без доказательств. «Польские исследователи считают, что носителями пшеворской культуры были веныды-славяне. Прямых археологических доказательств в пользу этого мнения нет. Однако совокупность исторических, археологических, лингвистических и топонимических наблюдений позволяет полагать, что среди населения пшеворского ареала должны быть славяне»⁵³. Это все, что сказано в пользу исходного тезиса всей гипотезы В. В. Седова. Будем надеяться, что в ближайшее время вся совокупность исторических и прочих наблюдений будет представлена на суд читателей, пока же это положение остается в достаточной мере шатким. И в среде польских исследователей далеко не все поддерживали и поддерживают выдвинутую Ю. Костшевским и его школой концепцию о венецкой принадлежности пшеворской культуры, исходным пунктом которой является тезис о славянской принадлежности лужицкой культуры. При современном состоянии науки этническая атрибуция столь удаленных культур вряд ли достаточно реальна.

⁴⁸ П. І. Хавлюк. Ук. соч.

⁴⁹ K. Godłowski. Die Przeworsk-Kultur..., S. 267—272.

⁵⁰ В. В. Седов. Ук. соч., стр. 124.

⁵¹ М. А. Тиханова. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 89—94; *ее же*. К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н. э. «Studia Archaeologica in memoriae Harri Moora», Tallinn, 1970, S. 202—206.

⁵² В. Д. Баран. До питання про літню кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу. МДАПВ, 3, 1961; В. Баран. Поселення перших століть нашої ери біля с. Черепин. Київ, 1961; В. Д. Баран. Памятники черняховської культури басейна Західного Буга. МИА, 116, 1964; В. Д. Баран. Деякі підсумки дослідження поселень черняхівського типу у верхів'ях Дністра і Західного Бугу. В сб. «Слов'яно-руські старожитності». Київ, 1969.

⁵³ В. В. Седов. Ук. соч., стр. 121.

Гипотеза о венедской принадлежности шевора имела смысл при двух условиях: во-первых, что данные Плиния, Тацита и Птолемея о венетах отражают приблизительно одну и ту же реальность первых веков нашей эры; во-вторых, в случае единства культур шеворской и оксывской. Венеды Плиния и Птолемея помещаются в Поморье и на территорию оксывской культуры. Однако последними исследованиями оба эти условия по-

Рис. 1. Элементы вельбарско-цецельские в черняховской культуре

а — сосуды с маленькими ушками и псевдоушками, б — кружки с большой ручкой, в — грушевидные янтарные подвески, г — погребения со вторично обожженной керамикой, д — границы черняховской культуры, е — границы подольско-днепровского варианта

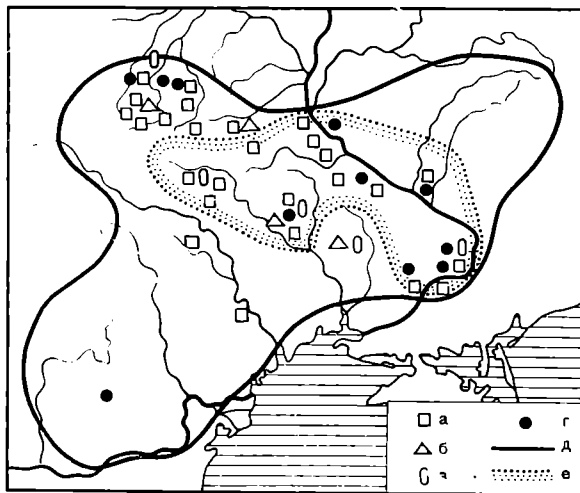
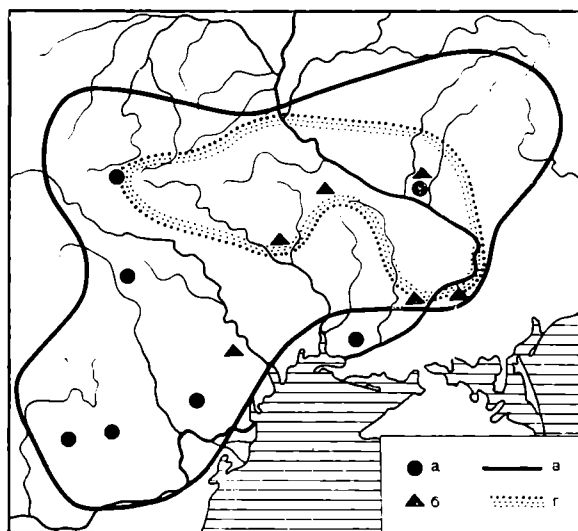

Рис. 2. Элементы шеворские в черняховской культуре

а — погребения с оружием, б — керамика, имеющая аналогии в шеворской культуре, в — границы черняховской культуры, г — границы подольско-днепровского варианта

колеблены. Данные Плиния и Птолемея могут относиться к более раннему времени и к более восточным территориям⁵⁴. Относительное единство шеворской и оксывской культур допустимо лишь для эпохи позднего латена. Трансформация оксывской культуры в I в. н. э. привела к полному отрыву ее от южного соседа и превращению в культуру вельбарскую. Шеворская же культура в ее новых, более узких границах достаточно убедительно сопоставляется с лугиями, а весь круг археологических культур Восточной Германии и Польши в римское время — с понятием «Свевия»⁵⁵.

⁵⁴ Д. А. Мачинский. Древние славяне в первые века н. э. по данным античных письменных источников и археологии. Докл. на совместном заседании НПО и ОИПК Гос. Эрмитажа 20 ноября 1970 г.; его же. К вопросу о венетах Плиния Старшего. В сб. «Из истории мировой культуры». Л., 1973.

⁵⁵ К. Godłowski. Die Przeworsk-Kultur..., S. 266; K. Godłowski. Strefy kulturowe w okresie rzymskim w Europie Środkowej. Докл. на конф. «Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europie Środkowej w okresie wpływów rzymskich», Краков, сентябрь 1972 г.

Таким образом, тезис о венецкой принадлежности пшевора, исходный тезис построения В. В. Седова, ныне оказался под ударом. Если же совокупность исторических, археологических, лингвистических и прочих данных и приведет к выводу, что в среде пшеворского ареала должны быть славяне, то перед исследователями встанет задача, аналогичная той, которую пытался решить В. В. Седов выделением подольско-днепровского варианта черняховской культуры, задача найти этим славянам археологический эквивалент.

Недостаточно надежно связаны и звенья цепи Черняхов-Пеньковка. Возможно, ряд форм керамики группы Пеньковка произошел от лепных черняховских сосудов, но на сегодня это положение продемонстрировано не с большей убедительностью, чем типологическая цепочка П. Н. Третьякова, выводящего их из поднезарубинецких древностей Подесенья. Хотя и последняя гипотеза не выглядит неуязвимой из-за недостаточности датирующего материала.

Все сказанное не уменьшает достоинств в целом очень интересной работы В. В. Седова, где сделан ряд весьма тонких наблюдений и сопоставлений, затронут и поставлен целый ряд проблем. Думается, что этой статье суждено еще долго будить мысль исследователей, быть своего рода генератором идей. Более того, вероятно, многие процессы, отмеченные автором, имели место и в действительности, хотя, быть может, в другой акцентировке.

Одним из наиболее интересных моментов является наблюдаемое В. В. Седовым сходство узколицего антропологического типа славян, похороненных в могильных ямах, с носителями черняховской культуры и обитателями Среднего Поднепровья в скифское время. Хотя все три группы отделены друг от друга огромными промежутками времени и археологически такую преемственность проследить не удастся, сам по себе этот факт, если выводы автора верны, нуждается в объяснении. Думается, что здесь нашла свое отражение константная часть исторического процесса, в котором всегда взаимодействуют две стороны. Одна из них — постоянная изменчивость, постоянное развитие и смена социальных институтов, этносоциальных организмов и образований, перемены политические, хозяйственные, культурные, лингвистические и пр. А другая сторона — это то, что при всех переменных та или иная часть населения сохраняется, несет в себе некую константу. В антропологических признаках это, вероятно, отражается с большой очевидностью и чаще, чем в культуре и в языке. При этом все три характеристики — антропологический тип, язык и культура — совпадают друг с другом не всегда и почти всегда не полностью.

Вопрос заключается в том, когда, при какой из многочисленных перемен и инноваций эти мезодолхокраны с узким лицом и мезоринным носом заговорили на славянском языке. В. В. Седов полагает, что это произошло в рамках черняховской культуры. И это было бы так, если бы ему удалось избежать в рассуждениях тех подводных камней, о которых речь шла выше. Но это могло произойти и раньше, при контакте носителей зарубинецкой культуры, если допустить, что она славянская (а в пользу этого ровно столько же данных, сколько и в пользу славянской принадлежности пшевора) с местным скифским субстратом. Но могло это произойти и позже, в V в., уже после конца черняховской культуры, при столкновении ираноязычной ее части с пришлым славянским населением или со славянской ее частью. Могло это произойти и при столкновении со славянами остатков сармато-аланских племен, не входивших в черняховскую культуру, с носителями пастырской или волынцевской культур. Различных версий можно предложить достаточно много. Не думаю, чтобы их можно было бы сегодня обосновать на конкретном материале с большей убедительностью, чем версию В. В. Седова, но бреши в его рассуждениях не делают и ее очевидной. Следует признать, что для решения вопроса нам не хватает еще каких-то пока не найденных данных.

Различные равновероятные и столь же труднодоказуемые версии можно предложить и для объяснения двух волн топонимики в Полесье и Волины. Позиция В. В. Никонова в этом вопросе отличается значительно большей осторожностью⁵⁶, чем позиция В. В. Седова. Среди интересных замечаний В. В. Седова мне особенно плодотворным представляется одно, перекликающееся в какой-то мере с идеями И. Вернера: «Зарубинецкие племена, кажется, были носителями окраинного диалекта, занимавшего в некоторой степени промежуточное положение между славянскими и западнобалтскими (прусо-явтяжскими), поэтому в зависимости от обстоятельств они могли стать и балтами и славянами»⁵⁷, — пишет В. В. Седов. Сходные соображения относительно зарубинецкой культуры высказывал несколько раньше и П. Н. Третьяков⁵⁸.

Не знаю, так ли уж это справедливо в отношении собственно зарубинецкой культуры, но если допустить возможность существования таких балто-славянских групп, готовых превратиться то ли в балтов, то ли в славян, не только в зарубинецкое время, но и позже, накануне сформирования славянской культуры VI в., не поможет ли нам это избавиться от «чар балтийства», о которых пишет И. Вернер, и найти в лесной зоне исходные точки славянской культуры или во всяком случае существенные компоненты ее, например прототипы керамики пражского типа?

Здесь нельзя обойти молчанием чрезвычайно интересную и, я бы сказал, изящную в своей логичности гипотезу И. Вернера. Работа эта заслуживает самого пристального внимания со стороны советских археологов и детального рассмотрения всех ее положений специалистами. Но поскольку в целом сюжеты, о которых говорит И. Вернер, лежат уже вне компетенции автора этих строк, ограничимся лишь некоторыми беглыми замечаниями о перспективах, открывающихся перед исследователями в связи с этой гипотезой.

На мой взгляд, И. Вернером сделано чрезвычайно интересное и верное наблюдение: памятники типа Колочин — Тушемля, рассматривавшиеся обычно как синхронные Корчаку и Пеньковке, в действительности предшествуют последним во времени и пространстве⁵⁹. Во всяком случае, начало их относится к более раннему времени. Более того, добавим, что известны находки, не только указывающие на вторую половину V — первую половину VI в., на время, для которого в лесостепи мы пока не имеем определенного пласта памятников, но и вещи, указывающие на связи этого населения с Подунавьем⁶⁰.

Боюсь, однако, что продемонстрировать на имеющихся материалах лесной зоны хиатус для VI—VII вв. (а скорее следовало бы говорить о второй половине VI—VII в.) сегодня еще трудно. Отсутствие могильников и ничтожное количество датирующих вещей в комплексах делает эту задачу почти неразрешимой. Вероятно, в данном случае может помочь новый петрохронологический метод датировки керамики, предложенный О. Ю. Круг⁶¹. Правда, точность его пока недостаточно велика — учитывается ошибка, равная приблизительно ± 1 век⁶², т. е. дата будет в интервале около трех веков, но при статистической обработке большого количества измеренных образцов можно получить удовлетворительные резуль-

⁵⁶ В. В. Никонов. Две волны в топонимии Полесья. В сб. «Полесье». М., 1968, стр. 193—205.

⁵⁷ В. В. Седов. Ук. соч., стр. 125.

⁵⁸ П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, 1, стр. 45.

⁵⁹ И. Вернер. Ук. соч., стр. 110—112.

⁶⁰ Е. А. Шмидт. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины. В сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 63—70; А. К. Амброз. Южные художественные связи поселения Верхнего Поднепровья в VI в. Там же, стр. 70—75.

⁶¹ О. Ю. Круг. Петрохронология — новый метод абсолютной датировки древней керамики. СА, 1972, 4, стр. 193.

⁶² О. Ю. Круг. Ук. соч., стр. 195; табл. на стр. 197.

таты. Во всяком случае, хронологическое расчленение материалов лесной зоны сейчас самая актуальная задача, и следует для этого попытаться использовать все методы, хотя полной уверенности, что при этом получится искомый И. Вернером хиатус, нет.

Назревает также необходимость расчленения древностей лесной зоны на более мелкие территориальные группы. Объединение же столь различных памятников, как Абидня, Тушемля и Колочин, в одну культурную группу допустимо лишь при построении рабочей гипотезы в самом общем виде (такую рабочую гипотезу и предлагает И. Вернер). В дальнейшем, при конкретной разработке материалов, такое объединение, по всей вероятности, перестанет удовлетворять. Не исключено, однако, что и тогда задача не разрешится полностью. Если можно допустить развитие форм керамики Тушемля — Колочина в пеньковские (хотя это положение тоже нуждается в доказательствах), то сложнее вывести из этих форм пражский тип, керамику Корчака. И остается только надеяться, что в лесной зоне будут обнаружены древности, дающие нам предшествующий этап развития славянской культуры в чистом виде, или же нам останется вслед за В. В. Седовым и И. П. Русановой искать эти истоки в более западных областях, в конечном итоге в составе пшеворской культуры⁶³.

И. Вернер полагает, что в Полесье и на Волыни уже «достаточно трудно найти место для обитания славян между балтами и восточными германцами в III и IV вв.»⁶⁴. Однако такое место есть. Если нанести на карту памятники днепро-двинской культуры, почепской культуры, культуры штрихованной керамики и волынской группы полей погребения, то между ними останется довольно обширная зона, почти полностью лишенная пока памятников. Она охватывает почти весь бассейн Припяти, во всяком случае нижние течения ее левых и правых притоков, а Убороть и Уж полностью. Сюда же входит излучина в нижнем течении Немана и Поднепровье между Березиной и Припятью (рис. 3). В восточной части этого «белого пятна» Л. Д. Поболь известны некоторые «позднезарубинецкие» памятники типа Абидни, но по имеющимся публикациям о них трудно составить ясное представление⁶⁵. Но даже и с учетом этого обстоятельства зона археологической пустоты остается достаточно обширной, чтобы здесь могла разместиться целая археологическая культура⁶⁶.

Трудно, конечно, предвидеть, какого рода памятники будут здесь открыты. Не исключено, что не будет найдено ничего нового или что это действительно пограничная зона пустоты и все поиски будут безрезультатны, но проведение специальных полевых изысканий в этом районе так или иначе представляется весьма насущной задачей.

⁶³ В. В. Седов. Ук. соч., стр. 127; И. П. Русанова. Доклад на конференции ИА АН УССР, Ужгород, май 1970 г. Поскольку памятники пшеворской культуры, содержащие отдельные формы, напоминающие пражский тип, по времени преобладают черняховским поселениям верховьев Днестра и Западного Буга, что я пытался показать в названной работе, и последние развиваются на пшеворской основе и с постоянным взаимодействием с этой культурой, то вполне возможен следующий ход рассуждений. В составе пшевора имеются пока не локализованные славянские (?) группы с керамикой, близкой керамике пражского типа. В ходе экспансии пшевора в конце II—III вв. в юго-восточном направлении они концентрируются в верхьях Днестра, входя в состав черняховской культуры. С концом ее они теряют черняховский облик, трансформируясь в культуру типа Корчак и занимая новые территории. В ходе этих рассуждений — два слабых места. Во-первых, такой группы в пшеворе пока нет, есть лишь отдельные сосуды в типично пшеворском окружении. Во-вторых, остается хронологический разрыв между черняховскими и славянскими памятниками Верхнего Поднепровья.

⁶⁴ И. Вернер. Ук. соч., стр. 110.

⁶⁵ Л. Д. Поболь. Белорусское Поднепровье в I тысячелетии нашей эры. «I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej», t. II, 1969, стр. 306—324; *его же*. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья. БД, Минск, 1969, стр. 103—108.

⁶⁶ О значимости такого рода зон археологической трудноуловимости в истории раннего славянства говорит Д. А. Мачинский (Д. А. Мачинский. К вопросу о территории...).

Советскими исследователями для различных культур лесной зоны зафиксированы какие-то изменения, приходящиеся приблизительно на середину I тысячелетия н. э.: прекращение культуры штриховой керамики и превращение ее в культуру типа Банцеровского городища, оставление населением городищ и переходов на селища и др.⁶⁷ Ни точное время, ни

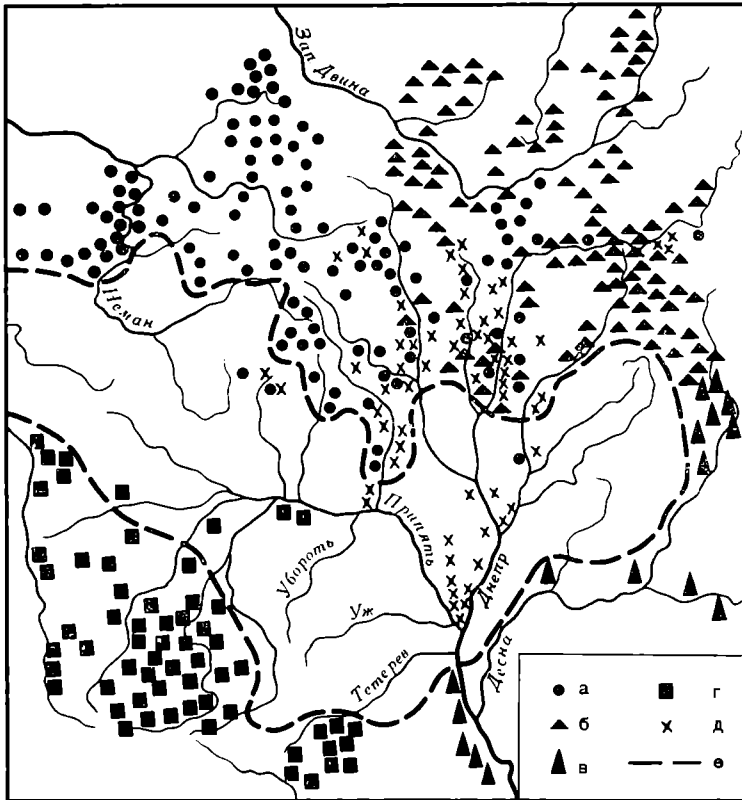

Рис. 3. Карта археологических памятников II—IV вв. Полесья, Во­лыни и Верхнего Поднепровья

a — памятники культуры штрихованной керамики (по В. В. Седову), *б* — памятники днепро-двинской культуры (по В. В. Седову), *в* — памятники почепской культуры (по П. Н. Третьякову) и «киевского» типа, *г* — памятники поморско-мазовецкие и во­лынской группы (по Ю. В. Кухаренко), *д* — позднезарубинецкие памятники (по Л. Д. Поболу), *е* — границы «белого пятна» относительной археологической пустоты

причины этих изменений не удастся пока выяснить. Не исключено, что эти изменения и формирование культуры ранних славян с дальнейшей их экспансией к югу находятся в определенной связи. Во всяком случае, до тех пор пока мы не разберемся с событиями и процессами, протекавшими в первой половине I тысячелетия н. э. в лесной зоне, ни проблема генезиса славянской культуры VI—VII вв., ни проблема происхождения славян в целом не будут полностью разрешены.

⁶⁷ В. В. Седов. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 18—25, 28; А. Г. Мигрофанов. Банцеровское городище. БД, Минск, 1967, стр. 243—261, и другие работы.

QUELQUES PROBLEMES CONCERNANT LA CULTURE DE TCHERNIAKHOVO
ET L'ORIGINE DES SLAVES

Résumé

Cet article est consacré à l'examen de quatre études sur la culture de Tcherniakhovo et sur la problème de l'origine des Slaves, études publiées dans la revue «Archéologie Soviétique» (N° 4, 1972). L'auteur s'élève contre l'opinion de E. A. Rikmane, qui a voulu donné le IIe siècle comme la plus ancienne date de la culture tcherniakhovienne, étant donné que les pièces fournies par lui ne forment pas un ensemble. On est fondé à indiquer seulement la fin du IIe s. Tant qu'on n'a pas isolé et étudié les antiquités du IIe s., il est difficile de parler des rapports et du caractère de l'interaction de la population venue du nord — ouest à la fin du IIe s. et au IIIe s. et de la population locale. En prenant le IIe s. comme point de départ de la culture tcherniakhovienne, I. S. Vinokour s'est ôté la possibilité d'examiner sur des documents concrets la question posée par lui concernant cette interaction. Dans la série des preuves étayant l'hypothèse de V. V. Siédov sur l'origine de la variante Dniepr moyen, choisie par lui, de la culture tcherniakhovienne comme issue de la culture pchévoriennne, et sur son appartenance slave, le côté le plus faible est l'élément initial: le principe adopté a priori sur l'attribution aux Slaves de la culture de Pchévorsk. Beaucoup d'éléments pchévoriens, cartographiés par lui dans la culture tcherniakhovienne, sont plus caractéristiques pour la culture de Velbarsko — Tsetselsk, alors que des traits tout à fait pchévoriens (armes dans les sépultures) se trouvent hors du cadre de la variante Dniepr moyen (ill. 1, 2). L'article de I. Werner présente de l'intérêt et mérite d'être examiné à part. Ici, on doit se borner à remarquer que I. Werner n'a pas complètement raison d'affirmer qu'aux IIIe s. et IVe s. il ne serait pas resté de place pour les Slaves entre les Baltes et les Germains. La carte des monuments de cette époque présente une grande tache blanche dans le bassin du Pripet (ill. 3).